

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 338.242

DOI: 10.26730/2587-5574-2026-1-43-50

СТРУКТУРНЫЕ ЦИКЛЫ В ЭКОНОМИКЕ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ШОКОВ

Якунина Ю.С.¹, Жиронкина О.В.², Ашванян С.К.³

¹ Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецово

² Кемеровский государственный университет

³ Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева

Информация о статье

Поступила:

10 января 2026 г.

Одобрена после рецензирования:

29 января 2026 г.

Принята к публикации:

06 февраля 2026 г.

Ключевые слова: импортозамещение, накопление капитала, потребление технологий, структурная трансформация, воспроизводство, структурная политика.

Аннотация.

В статье исследуется феномен импортозамещения сквозь призму взаимосвязи процессов накопления капитала и потребления технологий как драйверов структурной трансформации экономики. Обоснован тезис о том, что устойчивое импортозамещение является не столько результатом протекционистских мер, сколько следствием целенаправленного перераспределения национального дохода и ресурсов в пользу накопления в стратегических секторах, производящих средства производства, и формирования массового внутреннего спроса на высокотехнологичную продукцию. Цель работы заключается в раскрытии связи накопления и высокотехнологичного потребления как воспроизводственной основы для преодоления импортной зависимости. Теоретический анализ базируется на синтезе марксистской теории воспроизводства, кейнсианских и посткейнсианских подходов к инвестициям, эволюционной теории технологических изменений и концепций догоняющего развития. В результате исследования определены механизмы, посредством которых структурная политика государства способна замыкать воспроизводственные контуры, создавая внутренние источники для непрерывного обновления основного капитала и создания инноваций.

Для цитирования: Якунина Ю.С., Жиронкина О.В., Ашванян С.К. Структурные циклы в экономике в условиях внешних шоков // Экономика и управление инновациями. 2026. № 1 (36). С. 43-50. DOI: 10.26730/2587-5574-2026-1-43-50, EDN: HEERDF

STRUCTURAL CYCLES IN THE ECONOMY UNDER EXTERNAL SHOCKS

Yulia S. Yakunina¹, Olga V. Zhironkina², Sarkis K. Ashvanyan³

¹ T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University

² Kemerovo State University

³ Kuzbass State Agricultural University

Article info

Submitted:

10 January 2026

Approved after reviewing:

29 January 2026

Abstract.

This article analyzes the interaction between exogenous external shocks and endogenous structural cycles of economic development. In contrast to classical business cycle theory, which views shocks as a source of temporary deviations from a long-term trend, the author argues that in a modern economy characterized by increased complexity and interdependence, shocks increasingly have a structure-transforming nature, acting as catalysts for shifts in technological paradigms and patterns of intersectoral and international economic interactions. The objective of this study is to develop a theoretical foundation for the transformation of short-term shock impacts into long-term structural changes. The theoretical framework is based on a synthesis of N.D. Kondratiev's long-wave theory, Schumpeter's theory

Accepted for publication:
06 February 2026

Keywords:
structural cycles, long waves, external shocks, technological paradigms, innovation, resilience

of "creative destruction," evolutionary economics, and modern concepts of the macroeconomics of shocks. This article formulates the principles of an active structural policy aimed not at returning the national economy to its pre-shock equilibrium, but at effectively managing structural shifts while simultaneously increasing resilience to future shocks and developing competitive advantages in the coming technological paradigm.

For citation: Yakunina Yu.S., Zhironkina O.V., Ashvanyan S.K. Structural cycles in the economy under external shocks. *Economics and Innovation Management*, 2026, no. 1 (36), pp. 43-50. DOI: 10.26730/2587-5574-2026-1-43-50, EDN: HEERDF

1. Введение

Современная экономическая наука предложила разделение предметных областей исследования цикличности развития хозяйственной системы: макроэкономика фокусируется на бизнес-циклах – по сути краткосрочных колебаниях – и антициклической политике [1, 2]; теория роста рассматривает долгосрочные тренды, определяемые технологическим прогрессом, накоплением капитала и институтами [3]. В свою очередь, структурные сдвиги рассматриваются в контексте смены технологических укладов, переходом от индустриальной к постиндустриальной экономике [4, 5]. Однако реальность первой четверти XXI в. – эпохи «перманентного кризиса» [6, 7] – требует поиска теоретических основ структурных циклов, фазовые переходы в которых вызваны шоками нового типа – пандемийным, санкционным, конвергентно-технологическим. Череда масштабных экзогенных возмущений, таких как глобальный финансовый кризис 2007–2008 гг., пандемия COVID-19, нарастающая климатическая нестабильность, санкционное противостояние и торговые войны («трампизм» и «неотрампизм»), ведет к еще не до конца исследованным кризисам нового типа.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью корректировки аналитического инструментария исследования структурных циклов, поскольку устоявшиеся кейнсианские и монетаристские положения, объясняющие необходимость сглаживания циклических колебаний путем регулирования совокупного спроса, оказываются недостаточно эффективными и порой контрпродуктивными, когда кризис носит структурный, а не циклический характер [8, 9]. Шок, выявляющий слабые места в развитии экономических систем – на стыке технологических укладов, при исчерпании старой модели роста (например, экспортно-сырьевой для Российской экономики), перестает быть временным воздействием и становится постоянным условием перехода в новое качественное состояние. В связи с этим возрастает потребность в теоретической концепции, органично увязывающей краткосрочную нециклическую макроэкономическую динамику (шоки) с долгосрочной трансформацией структуры экономики, для которой характерны своя периодичность и колебательный характер протекания.

Объектом исследования выступают структурные циклы, которые в экономической литературе представлены как «длинные волны» экономического развития – форма реализации нелинейной и дискретной динамики технологических и институциональных изменений. Предмет исследования – комплекс причинно-следственных связей и факторов, посредством которых экзогенные внешние шоки различной природы трансформируют структуру экономики, формируя «траекторию» структурных сдвигов – структурный цикл, определяя его продолжительность, амплитуду и внутреннее содержание. Целью исследования является формирование концепции, объясняющей, каким образом экзогенные шоки индуцируют радикальные и необратимые сдвиги в технологической и отраслевой структуре экономики, ее институциональной среде. Обеспечивающие достижение данной цели задачи включают в себя: анализ теорий длинных волн и современных трактовок внешних шоков, классификацию каналов трансмиссии шокового воздействия на структурный цикл, сравнительный анализ воздействия пандемического и санкционного шоков 2020-х годов на структуру экономики, необходимость сформулировать направления экономической политики, адекватные силе структурообразующих шоков.

2. Материалы и методы

Теоретической и методологической основой работы послужили теория длинных волн Н.Д. Кондратьева [10], шumpетерианская концепция «созидательного разрушения» как движущая

сила долго- и среднесрочных циклов [11], теория технологических укладов (С.Ю. Глазьев, К. Перес [12]), эволюционная теория (роль рутин, отбора и адаптации [13]), современные модели макроэкономических шоков. Методологический инструментарий объединяет историко-экономический анализ (ретроспектива длинных волн), методы сравнительного и институционального анализа, трендовый и структурно-логический анализ.

Структурный цикл, или длинная волна Кондратьева (продолжительностью 40–60 лет), представляет собой метацикл, включающий в себя несколько среднесрочных бизнес-циклов Жюгляра – периодическая смена фаз ускоренного (повышательная волна) и замедленного (понижательная волна) роста, обусловленная дискретной динамикой технологических и институциональных инноваций, образующих технологические уклады. Они представляют собой целостные, воспроизводящиеся комплексы технологически сопряженных производств, базирующихся на кластере базисных инноваций (ядро структурного цикла). Каждый техноуклад имеет свой ключевой фактор (паровой двигатель, электричество, нефтехимия, микроэлектроника) и инфраструктурную основу (железные дороги, электрические сети, автомагистрали, Интернет). Фазы такого структурного цикла (по К. Перес) включают в себя: зарождение (формирование кластера радикальных нововведений, которые противоречат старым институтам), подъем (рост эффективности нового техноуклада, массовый переток инвестиций в новые технологии и инфраструктуру, «перегрев» финансового рынка), зрелость (адаптация институтов, экстенсивный характер роста с падением предельной отдачи от капитала в медленно модернизируемых отраслях, угасание (стагнация производительности труда, накопление структурных диспропорций и формирование предпосылок структурного кризиса).

Движущие силы структурного цикла помимо технологий, инвестиций и институциональных изменений включают в себя внешние шоки, формирующие экзогенное структурообразующее воздействие. Шоки – негативные (преимущественно) нециклические явления макроэкономической динамики – отличаются недостаточной предсказуемостью и прогнозируемостью и ведут к быстрым и значительным отклонениям ключевых макроэкономических показателей от ожидаемой траектории [14].

По источникам возникновения внешние шоки принято делить на технологические (прорывные инновации, техногенные аварии, ограничения научно-технического и инновационно-производственного сотрудничества), геополитические (торговые войны, санкции, распад международных экономических блоков, политические коллизии), экологические и климатические (засухи, наводнения, пандемии), долгосрочные климатические изменения), социально-демографические (массовые миграции, демографические провалы), институциональные (распространение новых экономических доктрин, таких как неолиберализм, изменение правил глобальной торговли) [15]. В свою очередь, по механизму воздействия на экономический цикл выделяют шоки совокупного предложения (негативные – рост цен на ресурсы и стагфляция как следствие инфляции издержек, позитивные – технологический прорыв), шоки совокупного спроса (резкое падение или рост потребительских и инвестиционных расходов), шоки финансовых рынков (падение капитализации рынка, кризисы ликвидности) [16].

Структурообразующий потенциал внешних шоков проявляется прежде всего в синхронизации с фазой цикла [17] – максимальный трансформирующий эффект шок оказывает, если приходится на период кризиса адаптации или зрелости уходящего технологического уклада, поскольку инерция устаревших средств производства, технологий и институтов максимальна, и внешнее непредсказуемое воздействие может безвозвратно нарушить равновесие. Шоки напрямую стимулируют или, наоборот, подавляют диффузию критических технологий, формирование новых институтов или поведенческих моделей в рамках нового технологического уклада (например, пандемия COVID-19 стимулировала глобальную и повсеместную экспансию потребительских цифровых технологий). В плане глубины институциональных последствий внешние шоки приводят к необратимым изменениям в нормах, законах, стандартах, балансе между рынком и государством, меняются предпочтения потребителей и инвесторов в долгосрочной перспективе.

Что касается путей воздействия влияния внешних шоков на структурные циклы, то в их качестве выступают следующие:

1. Инновационно-технологический канал, который является центральным с точки зрения шумпетерианской парадигмы, в котором шок действует как мощный фактор селекции инновационно-эффективных фирм и ускорения модернизации целых отраслей на базе сквозных технологий.

2. Принудительный отбор и «очищение» – глубокий кризис, вызванный шоком, ликвидирует наименее эффективные, устаревшие фирмы и технологии, высвобождая ресурсы и факторы производства (капитал, труд, технологии) для более эффективного использования, что представляет собой форму «созидательного разрушения» [18].

3. Акселерация прорывных направлений (борьба с пандемией [19], обеспечение энергонезависимости, адаптация к климатическим изменениям) ускоряет выделение государственного и частного финансирования НИОКР в приоритетных областях (биотехнологии, биофармацевтика, возобновляемая энергетика, водород, утилизация углекислого газа).

4. Диффузия и «гибридизация» технологий – массовый переход на удаленную работу вывел на рынок многие прорывные технологии видеосвязи, облачных сервисов, цифровых подписей, ускорив их диффузию в традиционные сектора [20]. Это означает, что шок снимает институциональные и поведенческие барьеры для внедрения.

5. Замедление внедрения устаревших траекторий за счет блокирования инвестиций в них (например, в новые проекты по добыче углеводородов на фоне климатической повестки и санкций), искусственно сокращая жизненный цикл прежнего технологического уклада.

6. Канал глобальных цепочек создания стоимости в рамках шестого технологического уклада. Шоки обнажили катастрофическую уязвимость производств четвертого и пятого технологических укладов, основанных на принципе минимизации издержек через распределение производственных этапов по всему миру. Происходит сдвиг от единственной цели «эффективность» к многокритериальной задаче «устойчивость, эффективность и безопасность». Компании и государства перестраивают цепочки, размещая критически важные производства в политически и географически дружественных или близких странах. Формируются конкурирующие технологические и торговые блоки (например, вокруг США, Китая, ЕС). Развивается решоринг и глобальная диверсификация поставщиков, ускоряя возврат части стратегических производств на национальную территорию и наращивание числа локальных поставщиков для снижения рисков.

7. Легитимация государственного вмешательства – в моменты структурных кризисов возрастает запрос на защиту государством национальных интересов, что позволяет проводить масштабные реформы и инфраструктурные программы (типа «зеленого курса» ЕС или инфраструктурных планов США), которые ранее блокировались бы отраслевым лоббированием. Наряду с этим меняется общественное восприятие ценности трудовых компетенций; в частности, при ускорении внедрения информационно-коммуникационных технологий происходит взрывной спрос на цифровые навыки и перераспределение трудовых ресурсов между секторами экономики.

8. Финансово-инвестиционный канал – внешние шоки вызывают быструю переоценку различных рисков (политических, рыночных, технологических, климатических, репутационных) на рынках денег и капитала, в результате чего происходит массовый отток инвестиций из секторов и регионов, которые инвесторы оценивают как уязвимые к будущим шокам (ископаемое топливо, сложные трансграничные цепочки, трудоемкие производства), и приток капитала в сектора «будущего» («зеленые» промышленные технологии, кибербезопасность, медицина долголетия и пр.). В результате рискованная премия для «старых» секторов растет, делая их инвестирование дороже, тогда как для новых секторов могут создаваться льготные условия притока капитала («зеленые» облигации, госгарантии и государственно-частное партнерство).

3. Результаты и обсуждение

Говоря о структурных сдвигах, индуцированных шоками 2020-х гг. и заложивших основу нового фазового перехода в длинной волне 21 в., можно выделить пандемию COVID-19 («великий ускоритель») [21], которая стала глобальным поворотным моментом в действии указанных выше каналов передачи шокового воздействия на структуру экономики и через нее – на экономические циклы, и глобальное санкционное противостояние в рамках «неотрампизма» [22].

Касательно пандемии следует отметить прежде всего акселерацию 6-го технологического уклада (био-, нано-, когнитивно-информационный и коммуникационный), благодаря чему в мировые лидеры привлечения капитала, формирования новых рынков вышли такие сектора, как

цифровые биотехнологии (разработка, клинические испытания и масштабирование производства вакцин за рекордные сроки стали триумфом новой научно-производственной парадигмы), цифровые платформы производства и потребления (облачные вычисления, SaaS-платформы, электронная, цифровые платежи перешли из категории маргинальных в передовые технологии, увеличив разрыв между цифровыми и традиционными компаниям), роботизация (максимальное снижение зависимости от человеческого труда стимулировало инвестиции в промышленных и сервисных роботов). В свою очередь, на рынке труда структурные сдвиги сформировали устойчивую модель гибридной (онлайн-оффлайн) занятости, значительно возросла географическая мобильность «знаниевых» работников. На этом фоне значительно расширились полномочия и масштабы вмешательства государств (санитарные меры, фискальные стимулы, монетарное смягчение); был де-факто легитимирован концепт беспрецедентных бюджетных дефицитов в мирное время.

Другой глобальный внешний шок – санкционное противостояние – будучи шоком предложения, активировал латентные тенденции (деглобализация, геополитическое соперничество), переведя их в явную фазу. В частности, для большинства стран Европейского Союза отказ от российских энергоносителей стал мощнейшим стимулом для форсированного энергоперехода. Инвестиции в возобновляемые источники энергии (солнечные панели, ветропарки), терминалы сжиженного природного газа, водородную инфраструктуру и энергосбережение возросли кратно; одновременно произошло временное «оживление» угольной генерации, что демонстрирует сложность и нелинейность перехода. Наряду с этим санкции, ограничивающие доступ к критическим технологиям, вызвали вынужденное импортозамещение и технологическую суверенизацию, что ведет к дублированию производственных цепочек, росту издержек и одновременно к созданию новых компетенций и рынков в ранее зависимых странах (включая Россию). Заморозка резервов и отключение российских банков от SWIFT инициировали активный поиск альтернативных платежных систем и рост использования национальных валют в международных расчетах. В результате меняется структура самой мировой экономики, которая устойчиво делится на взаимодействующие, но все более обособленные блоки с разными стандартами, правилами и валютами.

Под действием данных шоков меняется структура национальной и мировой экономики, инициируя новую «длинную волну». Ее регулирование требует становления новых принципов и инструментов структурной политики, поскольку эффективность традиционных денежно-кредитных и бюджетно-налоговых инструментов видится сомнительной в условиях цифровых рынков, платформенной занятости и инвестиций. Целью такой структурной политики становится не возврат к докризисному «равновесию» (которое было источником уязвимости), а содействие формированию новой, более устойчивой и прогрессивной структуры экономики. Сегодня структурная политика должна быть нацелена на создание стратегических запасов критических ресурсов и суверенизацию передовых производственных технологий, диверсификацию поставщиков, развитие гибких производственных систем. Это видится достижимым благодаря принципу селективности – целевому выращиванию кластеров нового уклада (зеленая энергетика, искусственный интеллект, биофармацевтика, новые наноматериалы) через госзаказы, налоговые кредиты, венчурное финансирование взамен поддержки материалоёмких отраслей. Также инструментами новой структурной политики должны стать прямое государственное инвестирование в инфраструктуру нового технологического уклада (квантовые компьютеры, геномные центры и др.) и глубокая реформа системы образования под потребности новой экономики.

В свою очередь, макроэкономическая антициклическая политика с учетом структурных сдвигов под действием внешних шоков (бюджетно-налоговая, денежно-кредитная) должна быть не просто стимулирующей, а направляющей. В частности, налоговые стимулы должны быть условными и привязанными к инвестициям в цифровой переход, в НИОКР, в ускорение переобучения больших масс работников, тогда как центральным банкам необходимо разрабатывать инструменты для различения инфляции, вызванной избыточным спросом, и инфляции издержек, порожденной структурными шоками предложения. Также возрастает роль макропруденциального регулирования для сдерживания спекулятивных пузырей на рынке капитала в секторах цифровых продуктов и услуг, которые будут наиболее привлекательными для частных инвесторов, с учетом глобализации платформенного инвестирования.

Институциональное обеспечение новой структурной и антициклической политики государства требует создания таких адаптивных институтов, как регуляторные «песочницы» – правовые нормы для тестирования новых технологий и бизнес-моделей с минимальными издержками контроля, в «ослабленном» регуляторном поле, а также механизмы быстрого принятия и корректировки законов в ответ на новые технологические и рыночные вызовы. На международном уровне это требует усиления международной координации в рамках блоков. Поскольку глобальное управление ослабло, критически важной становится выработка общих стандартов и правил внутри формирующихся дружественных альянсов на рынках цифровых коммуникационных технологий, возобновляемой энергетики, «умных роботов», искусственного интеллекта и пр.

4. Заключение

В современной экономике внешние шоки перестали быть экзогенными случайными факторами, влияние которых со временем затухает. В условиях, когда долгосрочные структурные циклы вступают в фазу смены доминирующих технологических укладов, шоки все чаще исполняют роль «катализаторов» фазового перехода долгосрочного цикла. Шоки 2020-х годов – пандемия и санкционное противостояние – наглядно продемонстрировали эту логику. Они не просто вызвали краткосрочную рецессию, но запустили качественные и радикальные изменения, такие как консолидацию цифрового и биотехнологического ядра 6-го техноуклада, регионализацию мировой экономики и переход от глобализации к локализации, пересмотр основ макроэкономической политики в сторону большей роли государства как гаранта устойчивости и инициатора структурных преобразований. Следовательно, успешное развитие национальной экономики, как в качественном (структурном), так и в количественном (макродинамическом) смысле будет определяться не столько способностью нивелировать последствия кризисов, сколько способностью к опережающей структурной адаптации и управляемому переходу к новому технологическому укладу.

Список источников

1. Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту. – М.: Издательство Института Гайдара, 2013. – 288 с.
2. Интервью с Томасом Сарджентом // О чем думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами / под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта. – М.: Юнайтед Пресс, 2009. – С. 368–389
3. Барро Р. Дж., Сала-и-Мартин Х. Экономический рост. – М.: Бином. Лаборатория знаний, 2010. – 824 с.
4. Глазьев С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. – 2009. - №3. – С.26-38
5. Барашев Н.Г. Циклическая динамика структурно-технологических сдвигов в развитии экономических систем / Дисс. д-ра экон. наук: 08.00.01. – Саратов: СГСЭУ, 2010. – 39 с.
6. Трунин С.Н. Специфика структурных сдвигов и кризисов в условиях глобализации // Финансы и кредит. – 2005. – №11 (179). – С.10-13.
7. Данилов-Данильян В. Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике // Вопросы экономики. – 2009. – №7. – С.31-41
8. Точилкина О. Перспективы российской экономики и особенности развития структурных кризисов // Общество и экономика. – 2017. – № 5. – С. 5-38.
9. Сергеева Н.М. Изменение структуры потребления населения в условиях структурного кризиса в экономике // Экономические исследования. – 2019. – №2. – С. 46-56.
10. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – 767 с.
11. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.
12. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М.: Дело, 2011. – 231 с.
13. Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. – М.: Дело, 2002. – 536 с.
14. Минакир П.А. Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // Пространственная Экономика. – 2016. – №1. – С. 7-13
15. Алешина О.Г. Воздействие экономических шоков на воспроизводственную систему при переходе к неоиндустриальному структурному сдвигу // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2024. № 2 (232). С. 9-1
16. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. – М.: Добрая книга, 2009. – 656 с.
17. Bloom N. The Impact of Uncertainty Shocks // Econometrica. – 2009. – Vol. 77. No. 3. – pp. 623-685.
18. Roch F. The adjustment to commodity price shocks in Chile, Colombia, and Peru // IMF Working Paper. – 2017. – Vol. 208. – pp. 230-244.
19. Клепач А.Н. Российская экономика: шок от коронавируса и перспективы восстановления // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 222. – С. 72-87.

20. Леонидов А.В., Серебрянникова Е.Е. Исследование отклика на технологические шоки в многосекторной модели несовершенной конкуренции // Проблемы управления. – 2019. – №2. – С. 30-40.

21. Юсуfoва А.М. Анализ изменений бизнес-деятельности организаций в условиях макроэкономического шока, вызванного COVID-19 // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2020. – № 11. – С. 96-103.

22. Шкель С.Н. Трампизм: возвышение авторитарного популизма в цифровую эпоху (Рецензия) // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 322-332.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© 2026 Авторы. Издательство Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева. Эта статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Авторы

Якунина Юлия Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент
Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева
650000 Кемерово, ул. Весенняя, 28
e-mail: yusi_p@mail.ru

Жиронкина Ольга Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
Кемеровский государственный университет
650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
e-mail: o-zhironkina@mail.ru

Ашванян Саркис Карапетович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и агро-бизнеса
Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецовца
650056, г. Кемерово, ул. Марковцева, 5

References

1. Lucas R.Je. Lekcii po jekonomicheskomu rostu [Lectures on Economic Growth]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2013. 288 p.
2. Interview with Thomas Sargentю What Economists Think. Conversations with Nobel Laureates. Moscow: United Press, 2009. pp. 368–389.
3. Barro R.J., Sala-i-Martin H. Economic Growth] Moscow: Binom, 2010. 824 p.
4. Glaz'ev S. Mirovoj jekonomicheskij krizis kak process smeny tehnologicheskikh ukладov [The Global Economic Crisis as a Process of Changing Technological Waves]. Voprosy jekonomiki. 2009. Vol. 3. pp. 26-38.
5. Barashev N.G. Ciklicheskaja dinamika strukturno-tehnologicheskikh sdvigov v razvitii jekonomicheskikh sistem / Diss. d-ra jekon. nauk: 08.00.01 [Cyclical Dynamics of Structural and Technological Shifts in the Development of Economic Systems / Diss. Doctor of Economics: 08.00.01]. Saratov: SGSEU, 2010. 39 p.
6. Trunin S.N. Specifika strukturnyh sdvigov i krizisov v uslovijah globalizacii [Specifics of Structural Shifts and Crises in the Context of Globalization // Finance and Credit]. Finansy i kredit. 2005. Vol. 11 (179). pp. 10-13.
7. Danilov-Danilyan V. Global'nyj krizis kak sledstvie strukturnyh sdvigov v jekonomike [Global Crisis as a Consequence of Structural Shifts in the Economy]. Voprosy jekonomiki. 2009. Global Crisis as a Consequence of Structural Shifts in the Economy. Vol. 7. pp. 31-41.
8. Tochilkina O. Perspektivy rossijskoj jekonomiki i osobennosti razvitija strukturnyh krizisov [Prospects for the Russian Economy and Features of the Development of Structural Crises]. Obshhestvo i jekonomika = Society and Economy. 2017. Vol. 5. pp. 5-38.
9. Sergeeva N.M. Izmenenie struktury potreblenija naselenija v uslovijah strukturnogo krizisa v jekonomike [Changing Consumption Structure of the Population in the Context of a Structural Crisis in the Economy]. Jekonomicheskie issledovanija = Economic Studies. 2019. Vol. 2. pp. 46-56.
10. Kondratiev N.D. Bol'shie cikly konjunktury i teorija predvidenija [Large Cycles of Economic Conjuncture and the Theory of Foresight]. Moscow: Ekonomica, 2002. 767 p.
11. Shumpeter J.A. Teorija jekonomicheskogo razvitija. Kapitalizm, socializm i demokratija [Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism, and Democracy]. Moscow: Ekonomica, 1995. 540 p.
12. Peres K. Tehnologicheskie revoljucii i finansovoj kapital. Dinamika puzyrej i periodov процветания [Technological Revolutions and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Periods of Prosperity]. Moscow: Delo, 2011. 231 p.
13. Nel'son R.R., Uinter S.Dzh. Nelson, R.R., Winter, S.J. Jevoljucionnaja teorija jekonomicheskikh izmenenij [Evolutionary Theory of Economic Change]. Moscow: Delo, 2002. 536 p.
14. Minakir P.A. Shoki i instituty: paradoksy rossijskogo krizisa [Shocks and Institutions: Paradoxes of the Russian Crisis]. Prostranstvennaja Jekonomika = Spatial Economy. 2016. Vol. 1. pp. 7-13

15. Aleshina O.G. Vozdejstvie jekonomicheskikh shokov na vosproizvodstvennuju sistemu pri perehode k neoindustrial'nomu strukturnomu sdvigu [The Impact of Economic Shocks on the Reproduction System during the Transition to a Neo-Industrial Structural Shift]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Samara State University of Economics. 2024. Vol. 2 (232). pp. 9-1
16. Kljajn N. Doktrina shoka. Rascvet kapitalizma katastrof [The Shock Doctrine. The Rise of Disaster Capitalism]. Moscow: Dobraya Kniga, 2009. 656 p.
17. Bloom N. The Impact of Uncertainty Shocks. Econometrica. 2009. Vol. 77. No. 3. pp. 623-685.
18. Roch F. The adjustment to commodity price shocks in Chile, Colombia, and Peru. IMF Working Paper. 2017. Vol. 208. pp. 230-244.
19. Klepach A.N. Rossijskaja jekonomika: shok ot koronavirusa i perspektivy vosstanovlenija [Russian economy: coronavirus shock and recovery prospects]. Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2020. Vol. 222. pp. 72-87.
20. Leonidov A.V., Serebrjannikova E.E. Issledovanie otklika na tehnologicheskie shoki v mnogosekturnoj modeli nesovershennoj konkurencii [Study of the response to technological shocks in a multi-sector model of imperfect competition]. Problemy upravlenija = Problems of Management. 2019. Vol. 2. pp. 30-40.
21. Jusufova A.M. Analiz izmenenij biznes-dejatel'nosti organizacij v uslovijah makrojekonomicheskogo shoka, vyzvanogo COVID-19 [Analysis of changes in business activities of organizations in the context of the macroeconomic shock caused by COVID-19]. Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki = Regional problems of economic transformation. 2020. Vol. 11. pp. 96-103.
22. Shkel' S.N. Trampizm: vozvyshenie avtoritarnogo populizma v cifrovuju jepohu (Recenzija) [Trumpism: The Rise of Authoritarian Populism in the Digital Age (Review)]. Politicheskaja nauka = Political Science. 2021. Vol. 1. pp. 322-332.

Conflicts of Interest

The authors declare no conflict of interest.

© 2026 The Authors. Published by T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University. This is an open access article under the CC BY license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Authors

Yulia S. Yakunina – Candidate of Science in Economics, Assistant Professor
T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University
650000 28 Vesennya st., Kemerovo, Russia
e-mail: yusi_p@mail.ru

Olga V. Zhironkina – PhD in Pedagogy, Assistant Professor, Foreign Languages Department
Kemerovo State University
650000, Kemerovo, Krasnaya st., 6
e-mail: o-zhironkina@mail.ru

Sarkis K. Ashvanyan – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Management and Agribusiness
Kuzbass State Agricultural University
650056, Kemerovo, st. Markovtseva, 5

